

О ПОВЕСТИ «ФЛАГИ НА БАШНЯХ»

ВСТРЕЧА А.С. МАКАРЕНКО С ЧИТАТЕЛЯМИ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ДВОРЦЕ
КУЛЬТУРЫ ИМ. С.М. КИРОВА 18 ОКТЯБРЯ 1938 г.

А.С. МАКАРЕНКО

Вступительное слово

Товарищи, я полагаю, что все или почти все присутствующие здесь прочли «Педагогическую поэму». Но другое моё произведение «Флаги на башнях», которое является продолжением «Педагогической поэмы», многие из вас, вероятно, не читали, поэтому о «Педагогической поэме» говорить не буду, а о последней книге дам некоторое объяснение. В «Педагогической поэме» меня занимал вопрос, как изобразить человека в коллективе, как изобразить борьбу человека с собой, борьбу коллектива за свою ценность, за своё лицо, борьбу более или менее напряжённую. В «Флагах на башнях» я задался совсем другими целями. Я хотел изобразить тот замечательный коллектив, в котором мне посчастливилось работать, изобразить его внутренние движения, его судьбу, его окружение.

Это счастливый коллектив в счастливом обществе. И я хотел показать, что счастье этого коллектива, нередко выражающееся в глубоко поэтических формах, заключается тоже в борьбе, но не в такой напряжённой борьбе с явными препятствиями, с явными врагами, как было в колонии, а в борьбе тонкой, в движении внутренних человеческих сил, часто выражаемых внутренними, еле заметными тонами. Всё это очень важные и сложные вопросы. Только в Коммуне им. Дзержинского я особенно остро понял, почувствовал, что недостаточно охватил ещё всю сложность процесса воспитания нового человека.

Этот процесс происходит не только внутри самого коллектива, он происходит во всём нашем социалистическом обществе. Это процессы труда и внутренних отношений, роста самого человека и, наконец, многочисленные чрезвычайно тонкие внутренние междумальчишеские и междуколонистские отношения. Всё это я и стремился показать. Может быть, с такой задачей в произведении «Флаги на башнях» я и не справился. Решения этой задачи, вероятно, хватит не одному поколению. Но я обратил внимание, что мальчики и девочки в таком коллективе — это прежде всего граждане. И в этом заключается отличие наших детей от детей какого угодно общества... Чем больше гражданский долг связывается с их ростом и воспитанием, тем более полноценные воспитываются из них люди.

Это социальные движения, имеющие характер важнейших движений, и в то же время явно детские движения — они тоже движения в нашем обществе, в нашей борьбе и сопровождаются тем же удовлетворением, теми же правами, той же степенью благородства, и деликатности, и смелости и другими лучшими человеческими качествами.

Вот это я стремился показать, а как удалось, как вышло — судите вы, ибо очень часто бывает, что хочется написать и рассказать многое, но не всегда это удаётся. Только читатель может судить о том, насколько удачно получилось.

Каковы действующие лица этого произведения? Захаров, заведующий колонией, несколько старших колонистов-комсомольцев и бригада малышей, четвёртая бригада. Это бригада мальчиков 10, 11, 12 лет...

В то же время они умели находить прекрасную середину, умели находить слушателей и не поддаваться давлению старших. Очень сложная конъюнктура. «Вечером 7-го Захаров с дежурным бригадиром... (читает)... проходили мимо. <...>

[5 - 16]

Методология
воспитания

28

Заключительное слово

Хвалиться мне неудобно, но могу прямо сказать, что мы со своей коммуной шагнули значительно дальше, чем вам кажется. Я действительно не считал и не считаю своих воспитанников «морально дефективными», и они не были дефективными ни одного дня.

Некоторым читателям хочется, чтобы воспитатели мучились, перековывая беспризорников в новых людей. Но я не мучился и не перековывал. Я достиг больших успехов в своей коммуне, достиг такого положения, что мог брать группы по 50 человек прямо с вокзала. Мы брали только тех, кто путешествует в поездах. Я брал, скажем, сегодня вечером, а завтра я не беспокоился, и никто не беспокоился, как ведут себя вновь принятые дети в коммуне. <...>

Совершеннейшая правда написана во «Флагах на башнях», даже с сохранением фамилий, с сохранением событий и разговоров. Мы принимали много делегаций — советских и иностранных. Иностранные делегации удивлялись и не верили. Но наши советские люди не могли не верить; они понимали, что это был счастливый коллектив. За все 8 лет не было ни одного чёрного дня, не было ни одного несчастья. Я не хочу сказать, что это чудо. Это норма. И именно потому, что я в этой жизни жил, видел, ощущал каждый нерв, именно поэтому считаю себя вправе настаивать на этом. Я ни к какой фантастике не прибегаю.

Я считаю, что при нормальной организации детского коллектива он всегда будет похож на чудо. <...>

Если имеется настоящая организация детского коллектива, то можно сделать настоящие чудеса.

Нам указывают на кинокартину «Путёвка в жизнь», что вот, мол, какие ребята вредные, испорченные, Я бы сказал так: попал в нормальные человеческие условия и на другой день стал нормальным. Какое ещё счастье нужно? Это и есть счастье! И так бывает всегда в хорошо построенном детском коллективе. Все дети любят дисциплину. <...>

Кто такой Рыжиков? Это не сознательный вредитель, но по натуре пакостник.

Почему я не применил никаких методов? Главнейший метод — это была вся колония, всё общество, весь коллектив. Ни я, ни другой педагог никакими уговорами не можем сделать того, что может дать правильно организованный гордый коллектив. Рыжиков ничего не смог усвоить даже в этом коллективе. К сожалению, сейчас об этом распространяться я не могу и в романе не распространяюсь. Об этом я напишу в той большой серьёзной книге, которую задумал написать о методике коммунистического воспитания.

Относительно перековки. Товарищ спрашивает, почему я не показал перековки Игоря? Трудно показать, когда не было этой перековки, не было у меня дефективных людей; приходили люди несчастные, им трудно жилось в тех условиях, в которых они жили раньше. Я не верю в то, чтобы были морально дефективные люди. Стоит только поставить в нормальные условия жизни, предъявить ему определённые требования, дать возможность выполнить эти требования, и он станет обычным человеком, полноценным человеком нормы. Мы это хорошо понимали, и, когда мы брали с вокзала 30–35 человек новых воспитанников, мы выходили на вокзал всей колонией в 400 человек в парадной форме с оркестром. Мы их встречали салютами, знаменами и маршем. Они этого не ожидали. И это внимание, эта любовь уничтожали немедленно всю дефективность. Ну, какая тут может быть дефективность? Я считаю, товарищи, что бывают только дефективные методы, а дефективных людей не бывает.

Я получил интересную записку: расскажите в своём заключительном слове об отношении к педагогической общественности. Если под общественностью понимать учительское общество, то я не предполагал бы, что у нас могли быть плохие отношения. Я любил учителей. А если под педагогической общественностью понимать тех людей, которые

по разным причинам почему-либо оказывались «мудрецами» педагогики, то наши отношения известны.

Я стою за общественность в педагогике. Когда я воспитываю человека, то должен знать, что именно выйдет из моих рук. Я хочу отвечать за продукцию свою и моих сотрудников, за будущих инженеров и мастеров, за всю эту организацию, за лётчиков, студентов, педагогов. За эту продукцию я несу ответственность.

Но для того чтобы можно было отвечать за свою продукцию, нужно в каждый момент своей педагогической жизни знать, чего я хочу и чего добиваюсь. <...>

Я повторяю, что если ребёнок становится хулиганом, то в этом виноват не он, а виноваты педагогические методы. <...>

Интересный вопрос относительно Задорова. «Неужели вы думаете, что этот метод принёс пользу?» — спрашивает меня автор записки. — Конечно, никогда я этого не думал. Это было полное отчаяние, бессилие. Если бы на месте Задорова был кто-нибудь другой, может быть, это привело бы к катастрофе, но Задоров был благородным человеком, он понял, до какого я дошёл отчаяния, он нашёл в себе силу протянуть руку и сказать: «Всё будет хорошо». Разве этого не видно? Если бы я ударил того же Волохова, то мог быть им избит. Я был действующим лицом, а победителем Задоров, и только благодаря ему я мог сохранить авторитет, он поддержал меня. Вот в чём заключается успех, а не в том, что я ударил. Разве удар — метод? Это только отчаяние.

Меня спрашивают: «Преподавателем какой дисциплины я был раньше?» — До колонии я в школе преподавал историю.

Где я сейчас работаю? — По состоянию здоровья и по другим причинам сейчас нигде не работаю, только пишу.

Где бы я хотел работать? — Я бы хотел работать в так называемой нормальной школе. Семейные дети в тысячу раз труднее беспризорных. У беспризорников никого не было, только я один, а у семейных есть мама и папа в запасе. И вот с этими-то нормальными детьми я бы очень хотел поработать.

Автор записки спрашивает, за какие я стою наказания? — Я ни за какие наказания не стою, но в колонии я применял наказания. Вот тот же самый Ключник был командиром первого комсомольского взвода, и ему попадало гораздо чаще, чем кому-нибудь другому. Почему? Да потому, что он был командиром и на него возлагалось больше ответственности, с него больше спрашивалось, чем с кого-либо другого. Такие наказания, которые выражают одновременно и уважение к человеку, и требование к нему, я считаю возможными, когда они применяются умело, а вообще наказание в большом масштабе мне не приходилось применять. У меня *был* хороший коллектив.

Говорят, что недостаточно уделено внимания отношениям между девочками и мальчиками. Верно, это трудный вопрос. Я всегда был уверен, что не отдельное личное влияние определяет отношения, а организация. Я постарался, чтобы у меня не было половины девочек и половины мальчиков, так как я знал, что тут я уже ничего не сделаю. У меня было 25% девочек. На одну девочку приходилось по два мальчика. В таком положении особых «любвей» быть не могло.

В первое время существования коллектива комсомольской организации не было. Если я видел, что молодой человек слишком увивался за какой-нибудь воспитанницей, судьба которой мне дорога, то я вызывал его и говорил: «Брось, понимаешь, брось». Он говорил: «Понимаю».

Это я вам говорю по секрету, и вы никому не рассказывайте. Это ни в какой мере не педагогично, но это приносило большую пользу. Меня боялись.

Одно время я начал либеральничать и прозевал. Вижу такие парочки, которых не разгонишь. «Влюблён, не могу». Я очень испугался. Восемнадцатилетний мальчик, шестнадцатилетняя девочка — ну какая тут может быть любовь? Какая любовь в 16 лет!

Комсомольская организация встала на мою сторону. Мы стали агитировать, уговаривать, собирать и говорить: «Рано, подождите, тебе кажется, что это любовь». Кое-кого уговорили, а кое-кого и не уговорили.

Тогда мы нашли блестящий метод: влюблён — женись! Что же получается? Беззаботная юность, а *тут* нужно пойти и на базар, и в очередь за галошами. Сразу обнаружилось, что характеры как-то не подходят.

Начнёт какой-нибудь парень увиваться за девочкой. Ты влюблён? Женись!

— Нет, нет, — говорит, — не влюбился.

Мы пришли к норме. Гриша влюблён в Валу. Влюблён, ну и хорошо. Гуляет, разговаривает. И очень многие парочки потом ушли в вуз и только на курсе поженились. Такая духовная любовь хорошо действует на характер и на самоопределение человека. Это я считаю нормой.

Какое я принимал участие в составлении учебника педагогики?

Меня пригласили профессора помочь им написать учебник. Я ответил согласием, но при условии, если они ответят на один вопрос: будем мы писать педагогику сегодняшнего дня или завтрашнего? Они сказали, что не могут писать педагогику завтрашнего дня. Тогда я сказал:

— Пока вы будете писать педагогику сегодняшнего дня, жизнь вас перегонит, и в результате вы напишете педагогику не сегодняшнего, а вчерашнего дня.

Что касается замечания, будто «Книга для родителей» не нужна, то оно не совсем правильно. Хотя родители и взрослые люди, но не всегда знают, как им поступать со своими детьми. Неправильно считать, что взрослому человеку нечему учиться.

